

Л. П. Зеленко
доцент кафедры общего и славянского
языкознания ОНУ имени И. И. Мечникова

ПАМЯТЬ БЫЛОГО

На протяжении тридцати лет мне посчастливилось работать на одной кафедре с А. К. Смольской. Я хочу рассказать о ее необыкновенном таланте воспитателя молодежи, о том влиянии, которое она оказала на формирование каждого из нас, а также самой кафедры как интеллектуальной и духовной общности.

Выбор жизненных эпизодов при написании любых воспоминаний неизбежно имеет весьма произвольный и субъективный характер, но все же надеюсь, что эти драгоценные для моей памяти „черты и резы” помогут объективно воссоздать прошлое.

Я отношусь к поколению, пришедшему на кафедру в первой половине семидесятых годов прошлого века. Нам было у кого учиться. Мы штудировали научные труды профессора Ю. А. Карпенко, восхищаясь логикой и красотой их построения, старались посетить как можно больше его лекций: нас потрясало, насколько доходчиво и просто можно объяснить сложнейшие лингвистические теории. Поражал энциклопедичностью знаний профессор К. Е. Гагкаев, свободно владевший несколькими иностранными языками и поддерживавший переписку с рядом западноевропейских лингвистов. Превосходным лектором была Н. Г. Рядченко, а А. Т. Бевзенко обладала виртуозным умением работы со студентами. Хотелось заслужить одобрение каждого из них, и годы моего ученичества на кафедре, равно как и доброжелательность моих Учителей, сохраняются в памяти как самое дорогое воспоминание. И все же, когда Ю. А. Карпенко спросил меня в те годы, на кого из преподавателей нашей кафедры я бы хотела стать похожей в своей профессиональной деятельности, я ответила: на А. К. Смольскую. Наверное, в воспоминаниях уже можно позволить себе сказать, что это было восхищение и даже влюбленность, сохранившиеся на всю жизнь: хотелось читать те же дисциплины, что и Аделаида Константиновна, подражать ее голосу, ее манере разговаривать со студентами, шутливо-иронично растягивая слова: „Что же это Вы, деточка ...”

Воспитание молодых преподавателей было направлено на формирование увлеченности своим делом, ответственности за его результаты. Постоянная самоотдача становилась девизом каждого из нас. Но именно в Аделаиде

Константиновне жил дух преобразователя окружающего мира. Казалось бы, каждый человек приходит в этот мир с подобной миссией. И все же: призванных много, а избранных мало. Не каждый способен на постоянное творческое горение. Рядом с ней постоянно хотелось быть на высоте. Похвалы были немногословны, но, если звучало „из Вас выйдут люди” или „Вам удалось поднять эту студентку выше ее уровня”, это было высшей наградой.

Поскольку ее реакция на глупость, на механическое исполнение своих обязанностей, на все то, что она считала неприемлемым в стенах родной кафедры, была всегда чрезвычайно резкой, удивительным контрастом воспринималось ее трепетное, бережное отношение к молодежи. На всю жизнь запомнилась манера Аделаиды Константиновны высказывать свои замечания или акцентировать внимание на основных моментах, как бы советуясь со своим молодым собеседником: „Как Вы считаете? Наверное, для того чтобы получилась хорошая дипломная работа, сам руководитель должен многое прочитать по данному вопросу”, или „Это глагольное окончание в болгарском, вероятно, возникло под влиянием тематического спряжения. А каково Ваше мнение?”, или „Может быть, при рассмотрении третьей палатализации следует особо акцентировать внимание на том, что это межслоговое взаимодействие звуков?”, или „Наверное, „Сравнительную грамматику славянских языков” можно читать только после того, как разработаешь курс „Исторической грамматики” любого славянского языка. Я проверила это на собственном опыте”.

Я очень благодарна Аделаиде Константиновне за то, что ее замечания звучали в столь тактичной форме: они не ранили самолюбия собеседника, а лишь заставляли глубже задуматься о многом. Информация, полученная подобным образом, не отторгалась твоим сознанием, а как бы становилась его частью. Кроме того, это был урок правильного отношения к молодежи, необходимый каждому из начинающих преподавателей. А это вечное заклинание, эта жесткая формула „для кафедры нужно!” И сразу становилось понятно, что нужно как можно лучше организовать вечер славянской дружбы, что нужно садиться разрабатывать новые дисциплины для утверждения на кафедре специализации по болгарскому языку, что нужно готовить обсуждение новых старославянских Учебников и словарей, потому что именно это и означает полноценную жизнь кафедры.

Аделаида Константиновна постоянно совершенствовала свои лекционные курсы и следила за тем, чтобы молодое поколение кафедр знало

о новой литературе в области славистики, об интересных концепциях теоретического и методического характера. Благодаря ей мы получили полное представление о научно-методическом совещании преподавателей старославянского языка, проходившем в Москве в октябре 1979 г а несколько позднее познакомились со сборником статей „Актуальные проблемы изучения и преподавания старославянского языка”, созданным на основе материалов этого совещания. Для нас, начинающих преподавателей старославянского языка, своеобразным напутствием звучали высказывания С. Б. Бернштейна, Н. И. Толстого, А. Е. Супруна. Г. А. Хабургаева и других участников этого совещания.

Постоянная работа над совершенствованием концепции курса старославянского языка была направлена на формирование исторического мышления у студентов-филологов, на устранение механического штудирования парадигм и вневременных праславянских реконструкций. Именно Аделаида Константиновна, несмотря на постоянное сокращение часов, всегда настаивала на необходимости сопоставительного изучения старославянских текстов различных редакций на практических занятиях по старославянскому языку, на необходимости сохранения в полном объеме вводных лекций курса, имеющих культурологическое значение.

Ее дипломниками становились только сильные студенты. Писать работу под ее руководством было интересно, но непросто: следовало в значительной степени соответствовать творческим критериям своего руководителя.

Я хочу рассказать историю, которая стала своеобразным напоминанием о прошлом. В одной из своих поездок по Украине я случайно разговорилась с женщиной, которая, узнав, что я работаю на филологическом факультете Одесского университета, заговорила о своей дочери, нашей выпускнице, дипломнице А. К. Смольской. Девушка изучала сербский язык в группе Аделаиды Константиновны и дополнительно на курсах - болгарский, потому что „Смольская сказала, что без знания нескольких, славянских языков невозможно написать хорошую дипломную работу и в дальнейшем заниматься научной работой”. Жизнь этой выпускницы сложилась совершенно иначе, но осталась в семье память о ее мечте и благодарность преподавателю, работавшему с таким вдохновением.

Я рассказала своей случайной попутнице о том, что Аделаида Константиновна ушла из жизни в 2004 году. Мы погрузили. А я снова подумала об этом удивительном умении Аделаиды Константиновны „поднять человека над самим собой”. Это ведь означало ее собственное вдохновенное горение рядом со своим студентом, умение не щадить своего времени и своего здоровья, умение разглядеть малейшее проявление неординарности человеческой

личности или даже просто стремление мечтать о чем-то большем, но только непременно подкрепленное желанием работать во имя этого.

А в быту - аскетизм. Дом весь завален книгами настолько, что существуют лишь тропинки для перемещения между комнатами и кухней. Умение быть неодиноким в общении с книгами. Да и лучшая похвала человеку - „он книжник”. Разговоры о быте носят всегда шутливо-игровой характер. Она умела быть и такой! С веселым видом сидя на кафедре: Девочки, я Вас сейчас научу готовить одно блюдо, очень быстрое и вкусное: режешь хлеб и обжариваешь его на масле сначала с одной стороны, а потом с другой”. Реплика кого-то из нас, не уловившего игровой формы общения: „Аделаида Константиновна, да это же обыкновенные гренки!” Со скучающим видом, мгновенно теряя интерес к первоначально легкому и забавному разговору: „Ну да, наверное...”

Абстрагирование от быта имело для нее характер защитной реакции: это давало возможность сохранить каждую минуту для „беседы с книгами” и для размышлений. Аделаида Константиновна всегда оставалась лидером, вдохновителем всех начинаний кафедры. Мне вспоминается наша работа по организации вечеров славянской дружбы. Работы хватало всем: нужно было найти подходящий зал, оформить его, организовать приглашение гостей - студентов из различных славянских стран, обучающихся в высших учебных заведениях нашего города, составить концертную программу, придумать музыкальное оформление вечера, купить недорогое угощение. Подготовка отнимала очень много времени, но это были воспитывающие и объединяющие моменты, это были праздники, запомнившиеся на всю жизнь и нам, и нашим студентам. Проведение вечеров славянской дружбы воспитывало в нас уважение к идее славянского единства и к своей кафедре. Мы верили, что эта работа формирует особый имидж нашей кафедры, способствует росту ее авторитета в университете и даже в масштабах города.

Я помню, как любила эти вечера Аделаида Константиновна, как умела заинтересовать, зажечь всех, внести творческие нотки в организацию каждого вечера. А как она радовалась каждому талантливому студенческому выступлению, как увлеченно обсуждала малейшие детали этих праздников!

Мы гордились нашим общим делом, идея славянского единства была «религией» нашей кафедры. Много лет спустя пришло понимание того, что для нас эта идея имела довольно абстрактный характер, в то время как политическая реальность была намного жестче и сложнее...

Аделаида Константиновна воспринимала эту идею гораздо глубже чем мы, молодые. Для нее наибольшее значение имел диалог славянских культур, интеллектуальное единство славянских народов. Постепенно наши праздники трансформировались в научные славистические конференции, которыми все так же вдохновенно руководила Аделаида Константиновна.

Я думаю, что для Аделаиды Константиновны самым страшным всегда был духовный вакуум, поэтому она глубоко переживала отчуждение возникшее между славянскими народами в девяностые годы XX века. Как личную трагедию она воспринимала потерю культурных контактов с Россией и разрушение дорогой для нее Сербии.

Это был сложный период для каждого из нас: мир вокруг перестал казаться незбылемым и понятным, однако открылись возможности для правдоискательства, столь близкого восточнославянской душе. Захотелось увидеть торжество справедливости для украинского народа, так долго лишенного своей государственности. Нужно было понять его подлинную историю, чтобы научиться воспринимать себя гражданином совершенно иного государства. Строились и разрушались новые воздушные замки, снова манил политический идеализм...

К 75-летию Аделаиды Константиновны в 2002 году мне захотелось вспомнить в стихотворной форме об идее, которая для нас обозначала единое культурное пространство славянского мира, которая объединяла многие годы всех членов нашей кафедры и создавала позитивную атмосферу, необходимую для воспитания молодежи. Так появились стихи, сохраняющие частицу нашего общего прошлого.

Для славянской души характерны и взлеты и бездны.
Может, в том заключается наше умение жить...
Может, только такими мы можем идее служить,
Той идее добра, без которой мы все бесполезны.

Но истории нашей славянской тяжел приговор:
Мы под тяжестью бед вспоминаем обиды и козни.
Забывая, что издавна сила в единстве, не в розни,
Все в запале готовы поставить соседу в укор.

А ведь наши-то беды глубинней и бездны страшней...
А какая ошибка взрастить на вражде поколение!
Этим мы демонстрируем только свое неумение
Разобраться в губительном хаосе ложных идей.

Так не будем опять перечеркивать все сгоряча.
Все же мудрость не в безднах, а в разума свете.
Ведь никто не отменит, что все мы в ответе,
Коль лукавят верхи или рубят плеча.

А идее славянской не век и не два,
Ею вечно играли политики, лишь изменяя мотивы...
Слава Богу, что мы не настолько игривы!
Мы, филологи, душу вселяем в слова.

И для нас панславизм - не простой политический ход,
Не уловка политиков, жаждущих благ и успеха.
Это поиск извечный глубинных основ человека,
Воплощение вечности - это славянский наш род.

Этим знаньем когда-то Вы нас за собой увлекли.
Вы сплотили всех нас на священных дорогах познания.
И Шевченко слова прозвучали для нас заклинаньем,
Що єдиної матері діти — слов'яни на вічній землі.